
Агафья Вебер
В тихом омуте

Агафья Вебер
В тихом омуте

https://litres.ru/75006114
SelfPub; 2026

Аннотация

Мы часто совершаем одну и ту же ошибку: верим, будто наша жизнь способна замкнуться на одном-единственном человеке.

Уезжая из родного посёлка, Веда была уверена, что оставляет за спиной руины своей личной вселенной, а безответная первая любовь навсегда останется её главной, незаживающей раной. Но реальность оказалась куда шире, сложнее и циничнее девичьих драм.

Большой город и студенчество стремительно перетасовали правила игры. Года шли, лица менялись, и в жизни Веды один за другим появлялись разные мужчины. Каждый раз ей искренне казалось: «Вот оно, настоящее». И каждый раз судьба с улыбкой доказывала, что это был лишь очередной крутой поворот.

Это история о непредсказуемых зигзагах судьбы, о том, как легко новые чувства вытесняют прежние, и о том, какими чужими мы порой становимся для тех, ради кого когда-то были готовы умереть.

Содержание

Глава 1 4
Чужие невесты 4
Глава 2 14
Градус напряжения 14
Глава 3 20
Точка невозврата 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Агафья Вебер
В тихом омуте

Глава 1

Чужие невесты

Суббота! Для нашего посёлка это слово всегда обладало особой, почти магической силой, но в тот майский вечер оно буквально вибрировало в воздухе, заставляя сердце биться чаще. Наконец-то суббота! Время, когда можно было забросить надоевшие учебники, забыть про наводящие ужас выпускные экзамены, бесконечные консультации по геометрии и удушливый запах школьного мела. Май выдался шальным, непривычно душным. Весь день солнце нещадно плавило тополиную смолу, и к вечеру посёлок окутало густым, сладковатым ароматом сирени и разогретой земли. Воздух казался настолько плотным, что его, казалось, можно было осязать кожей. Но главное было даже не в долгожданных выходных. Ещё с утра по пыльным улочкам, передаваясь из уст в уста, пролетел оглушительный, будоражащий слух: из армии вернулся Юра. Местный сердцеед, парень-легенда, абсолютный и недосягаемый кумир всех поселковых девчонок. И мой са-

мый главный, тщательно охраняемый секрет. Я была влюблена в него безумно, до судорог в горле, до глухих рыданий в подушку, но об этой безнадёжной, отчаянной тяге не знал ни один человек на свете.

Сборы у Сашки дома напоминали военный совет в миниатюре. Маленькая комната была завалена вещами, пахла лаком для волос «Прелесть» и дешёвой туалетной водой с ароматом ванили. Анька, крутясь перед мутным зеркалом шкафа, то и дело дёргала вниз неприлично короткую джинсовую юбку и лихорадочно подкрашивала губы перламутровым блеском. Сашка, вооружившись раскалённой плойкой, пыталась усмирить свои непослушные кудри, то и дело вскрикивая от обжигающего пара. Каждое движение девчонок было пропитано хищным, азартным предвкушением. Они шли на охоту. Они собирались завоевать внимание Юры, который за два года службы, по рассказам очевидцев, стал ещё краше, раздался в плечах и обзавёлся той манящей армейской выправкой, от которой кружилась голова.

Я сидела на краю кровати, поджав под себя ноги. На мне были мои любимые, слегка драные на коленях джинсы, простые летние сандалии на босу ногу и свободная белая базовая футболка, широкая горловина которой небрежно съезжала набок, полностью открывая одно плечо. Свои длинные, густые каштановые волосы я не стала мучить плойками или заливать лаком — просто собрала их на затылке и закрутила в небрежный, свободный узел, из которого то и дело

выбивались непослушные завитки, щекочущие шею. На фоне боевого раскраса и парадных нарядов подруг я выглядела подчёркнуто просто, почти по-домашнему, и чувствовала себя немного беззащитной — тонкая ключица и открытая шея казались слишком обнажёнными в этой душной комнате. Внутри меня тугим узлом стягивалось предчувствие чего-то необратимого. Моё сердце колотилось где-то в районе горла. Мысль о том, что я сейчас увижу Юру спустя долгие два года разлуки, одновременно окрыляла и доводила до тошноты от страха.

Наш поселковый Дом культуры всегда считался предметом гордости местных властей и выглядел весьма приличнo, совершенно не по-деревенски. Никакой облупившейся извёстки или гнилых половиц. Просторный, ухоженный зал, где по будням крутили кино, к субботнему вечеру преображался до неузнаваемости. Тяжёлые кресла были сдвинуты к стенам, освобождая огромный пятачок для танцев. Стены от пола до самого высокого потолка были бережно обиты аккуратными деревянными панелями, покрытыми блестящим, тёмным лаком. В лучах цветомузыки это дерево отзывалось глубоким, тёплым янтарным сиянием, придавая залу уютный и почти клубный вид. Но сегодня лакированные стены словно отражали всеобщую лихорадку. ДК гудел, как потревоженный улей. Этот гул состоял из обрывков звонкого девичьего смеха, шарканья сотен подошв, выкриков парней у входа и тяжёлых, плотных басов, от которых вибрировали

стёкла в массивных рамах. Тусклые, ритмичные вспышки самодельных прожекторов окрашивали благородное дерево то в мертвенно-синие, то в тревожно-багровые тона.

— Ветка, ну ты чего застряла на входе? Опять витаешь в облаках! Пошли скорее, там Юрка в самом центре! — Сашка с силой дёрнула меня за руку, увлекая за собой вглубь душного, наэлектризованного пространства.

Аня уже ловко протискивалась вперёд, работая локтями и кокетливо вскидывая подбородок. Настроение у моих подруг было боевое, слегка агрессивное. Стоило нам пробиться ближе к ярко освещённому пятачку под огромным экраном, как я увидела его. Сердце сделало оглушительный кульбит и упало куда-то в пятки, оставив в груди звенящую пустоту. Юра. Он действительно изменился. Стал выше, шире в плечах, короткая армейская стрижка подчёркивала его волевой подбородок и невероятно эффектное, открытое лицо. В его движениях появилась ленивая, хищная уверенность мужчины, который прекрасно знает силу своего магнетизма. От одного его мимолётного взгляда в сторону толпы у стоявших рядом девчонок перехватывало дыхание. Я замерла у колонны, не в силах отвести глаз, чувствуя, как по коже пробегает ледяной озноб, сменяющийся обжигающим жаром.

Но стоило мне сделать ещё шаг, как вся сладость момента мгновенно испарилась, уступив место привычной, удушливой тоске. Сашкин запал тоже угас, губы подруги обиженно вытянулись в тонкую линию. Там, в самом центре внима-

ния, Юру плотным, непробиваемым кольцом окружили городские студентки. Те самые «невесты», которые приехали в посёлок на майские праздники к родителям. Между ними и нами лежала невидимая, но непреодолимая пропасть. Они выглядели совершенно иначе — взрослые, холёные, уверенные в собственной неотразимости. На них были летящие шёлковые наряды, тонкие дорогие кардиганы, а пахли они дорогим парфюмом, который напрочь перебивал запах лакированного дерева и дешёвых дезодорантов. Городские девчонки вели себя шумно, по-хозяйски, заливисто смеялись, кокетливо поправляли волосы и танцевали так раскованно, словно этот ДК принадлежал им.

Мы втроём на их глянцевом фоне казались испуганными, нескладными школьницами перед первыми серьёзными экзаменами. Мой простой наряд, который ещё полчаса назад казался мне удобным и стильным, теперь выглядел почти жалким рядом с их городским шиком. И Юра… Юра улыбался им. Его белозубая, открытая улыбка предназначалась только им. Он легко отвечал на их колкие реплики, перекидывался короткими фразами и кружил их в танце.

Аня с Сашкой, переглянувшись, всё же попытались вклиниться в этот круг. Они начали громче, неестественно смеяться, вызывающе вскидывать головы, отчаянно пытаясь перетянуть на себя хотя бы крошечную каплю его внимания. Сашка даже попыталась окликнуть его по имени, но её тонкий голос бесследно потонул в грохоте басов. А я… я просто

не выдержала этого зрелища. Внутри всё сжалось от острой, почти физической боли. Медленно, шаг за шагом, стараясь быть как можно незаметнее, я начала пятиться назад, прочь от слепящего света прожекторов, пока моя спина не упёрлась в прохладную, гладкую деревянную панель возле тяжёлой портьеры, отделявшей кинозал от подсобных помещений.

Здесь, в спасительной полутени, было чуть прохладнее, но дышать от этого легче не становилось. Я смотрела на Юру из темноты зала и отчётливо, со всей жестокостью юношеского максимализма понимала: меня не выберут. Никогда. Среди этих ярких, смелых, пахнущих настоящей большой жизнью городских девчонок я была для него абсолютной невидимкой, прозрачным стеклом. Пустым местом, на которое не стоит тратить ни секунды. От этой мысли к горлу подкатил горький, удушливый комок, а глаза подозрительно защипало. Я изо всех сил сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони до боли, лишь бы не разреветься прямо здесь, на глазах у всего посёлка. Было невыносимо обидно от своего бессилия, от этой глупой, придуманной влюблённости, которая разбивалась о суровую реальность.

— Жарко здесь сегодня, правда? Дышать совсем нечем, — раздался тихий, низкий голос совсем рядом, заставив меня вздрогнуть.

Я резко повернула голову, едва не вскрикнув от неожиданности. Возле меня, прислонившись плечом к лакирован-

ному косяку, стоял Андрей — парень Сашки. Как и Юра, он совсем недавно вернулся из армии, но на этом их сходство заканчивалось. Если Юра был блистательным солнцем, согревающим своим вниманием всех вокруг, то Андрей представлял собой совершенно иной тип альфа-самца. Это был крупный, широкоплечий, слегка угрюмый парень. Настоящий волк-одиночка, мужчина сам в себе. Он никогда не стремился оказаться в центре шумной компании, не искал девичих восторгов и держался обособленно, источая тяжёлую, опасную мужскую силу, от которой становилось не по себе. Их отношения с Сашкой тянулись скорее по привычке — они сошлись ещё до его службы.

Я на секунду замерла, ожидая, что он сейчас дежурно спросит, где носит мою подругу, но Андрей даже не посмотрел в сторону беснующегося танцпола. Его взгляд медленно скользнул по моим драным джинсам, поднялся выше, на мгновение задержался на обнажённом бледном плече и тонкой ключице, скользнул к выбившимся из небрежного каштанового узла завиткам на шее, а затем намертво, пугающе приковался к моим глазам. В полумраке ДК его глаза блестели как-то странно — открыто, лихорадочно и так пронзительно, что мне мгновенно стало не по себе. Этот угрюмый, замкнутый волк смотрел на меня так, словно во всём этом шумном зале, среди сотен людей и грохочущей музыки, не существовало больше вообще никого. В его зрачках отражались багровые сполохи светомузыки, переливающиеся

на лакированном дереве стен. Он смотрел на меня — и буквально тонул, задыхался, не в силах отвести глаз. Это не было обычным мимолётным интересом. Андрей смотрел так, словно посреди своей привычной, выверенной темноты он внезапно наткнулся на то единственное, ради чего готов был нарушить любые правила.

Я испуганно, судорожно повела плечом, пытаясь поправить съехавшую футболку, коснулась пальцами растрепавшегося узла каштановых волос и попыталась закрыться от этого невыносимого, раздевающего взгляда. Сделав шаг в сторону, я посмотрела в толпу танцующих и почти сразу столкнулась встречным взглядом с Димкой. Мой верный и преданный друг стоял чуть поодаль, оперевшись спиной на массивную побелённую колонну. По правде говоря, Дима был парнем видным и очень симпатичным — высокий, плечистый, с на удивление мягкими, округлыми чертами лица, которые сразу располагали к себе. Его родители были людьми богатыми, влиятельными по местным меркам, с хорошим достатком, так что в посёлке он считался более чем завидным женихом. К тому же Дима был старше меня года на три и уже успел вкусить студенческой жизни, но каждый раз неизменно возвращался сюда. Он был влюблён в меня давно, глубоко и безнадёжно, окружая такой заботой и преданностью, на которую способен далеко не каждый. Но моё глупое сердце дышало к нему ровно. Я воспринимала его как надёжную скалу, как самого близкого человека, но той ис-

кры, что сжигала меня при взгляде на Юру, к Диме я никогда не испытывала.

Обычно Дима был абсолютно не агрессивным, спокойным, даже мягким по характеру человеком, который всегда предпочитал решать любые недоразумения улыбкой или умным словом. Но сейчас его было не узнать. Он стоял недалеко, его открытое лицо застыло, а взгляд был сфокусирован на нас с Андреем. Димка видел всё. Он стоял там достаточно давно, чтобы заметить и мою тоску по Юре, и то, как парень Сашки сейчас буквально пожирает меня глазами, переходя все допустимые границы. На лице Димы читалось глухое, тяжёлое, свинцовое напряжение. Челюсти его были плотно сжаты, а пальцы побелели, намертво вцепившись в ремень брюк. В его глазах застыла такая глубокая, застарелая боль вперемешку с непривычной для него, глухой яростью, что мне стало по-настоящему страшно.

Я словно оказалась в эпицентре невидимой, но разрушительной бури. Воздух вокруг меня сгустился до состояния грозовой тучи, готовой в любую секунду разродиться молнией. В тот душный майский вечер, под грохот басов и блеск лакированных стен приличного поселкового ДК, я ещё не знала и не могла знать, что вся эта нелепая, страшная ситуация станет ядом. Она будет медленно, капля за каплей, отравлять нам жизнь весь следующий месяц, пока мы будем сдавать выпускные экзамены, учить билеты и делать вид, что ничего не происходит. Я даже представить себе не могла,

какими страшными обвинениями, предательствами и какими горькими, неостановимыми слезами взорвётся этот тихий, сонный провинциальный омут в июне — прямо перед тем, как проводница захлопнет дверь моего вагона, увозящего меня в новую жизнь.

Глава 2

Градус напряжения

Июньское солнце безжалостно плавило битум на крыше школы, превращая кабинет математики в душную, раскалённую ловушку. Воздух здесь казался почти осязаемым — густым от тополиного пуха, пыли и резкого запаха мастики, которой перед экзаменами натерли паркет. Я сидела у самого окна, тупо уставившись в лист с тригонометрическими уравнениями. Цифры расплывались, строчки плыли, а шариковая ручка то и дело выскальзывала из онемевших пальцев. Сосредоточиться не получалось. Напротив, через два ряда, сидела Сашка. Она ни разу за два часа не повернула головы в мою сторону, судорожно и зло чертя что-то в своем черновике. А за её спиной Анька то и дело бросала на меня такие колючие, ледяные взгляды, что меж рёбер начинало ныть. Невидимая стена, выросшая между нами за последние две недели, звенела от напряжения.

Долгожданный звонок прозвучал как команда к спасению. Я наскоро сдала работу на стол учителю и одной из первых выскочила в полутёмный коридор рекреации, надеясь успеть к питьевому фонтанчику до того, как из классов хлынет остальная толпа.

— Ветка, постой, — негромкий, хрипловатый голос заставил меня замереть на полпути возле раскидистой кадки с фикусом.

Из тени шагнул Андрей. Сердце испуганно ёкнуло и заколотилось где-то у самого горла. Его крупная фигура в джинсовке с закатанными рукавами казалась неуместной и пугающей среди этих крашеных школьных стен. Он больше не пытался скрывать свои намерения, как в мае.

— Андрей, мне нужно идти. Девчонки сейчас выйдут, — я попыталась обойти его по широкой дуге, но он резко сделал шаг в сторону, перекрывая проход к лестнице. В его глазах горело упрямое, лихорадочное пламя.

— Пусть выходят, — глухо бросил он, в упор разглядывая моё лицо. — Почему ты от меня бегаешь весь месяц? На звонки не отвечаешь. Я у твоего дома вчера до полуночи стоял, ждал, пока ты свет погасишь.

— Ты с ума сошёл? — прошептала я, оглядываясь на закрытые двери кабинета. — Ты парень Сашки! У вас же всё серьёзно, весь посёлок только и говорит, что вы уезжаете вместе.

— С Сашкой всё кончено, — Андрей шагнул ещё ближе, и я физически ощутила исходящий от него жар. — Я с ней только по привычке тянул. А после той субботы… Ветка, ты из головы у меня не выходишь. Днём и ночью. Понимаешь ты это или нет? Ты одна мне нужна.

— Не смей мне это говорить, — я рванулась в сторону, но

он успел перехватить меня за запястье. Хватка была железной, не оставляющей шанса вырваться. — Пусти! Мне больно, Андрей!

В этот момент дверь класса с глухим стуком распахнулась, и на пороге появились Сашка с Анькой. Сашка остановилась как вкопанная. Лицо её мгновенно потеряло последние краски. Она молча смотрела на руку Андрея, сжимавшую мою кожу, и её губы мелко, едва заметно задрожали. В этом взгляде было столько растерянности и глубокой обиды, что мне захотелось провалиться сквозь землю.

Анька тут же сделала шаг вперёд, закрывая подругу плечом и бережно беря её под локоть. Она не стала кричать или устраивать сцену, но её тихий, ледяной голос прозвучал как удар хлыста.

— Андрей, отпусти её. На вас люди смотрят, — спокойно, мертвенным тоном произнесла Анька, даже не взглянув в мою сторону.

Андрей медленно, нехотя разжал пальцы, но его взгляд по-прежнему оставался прикован ко мне, полностью игнорируя девчонок. Сашка судорожно вздохнула, сурово поджала губы, сдерживая слёзы, и молча развернулась. Она пошла прочь по коридору, стараясь держать спину прямой, хотя её плечи заметно дрожали. Анька последовала за ней, но на секунду задержалась. Она повернула ко мне голову и посмотрела в упор — без единого слова, но в этом презрительном приговоре дружбе всё было сказано.

— Не подходи к ней больше, Ветка. Никогда, — тихо и отчётливо процедила она.

Они скрылись за поворотом лестницы, оставив после себя звенящую пустоту. Бывшие подруги оставили меня в абсолютном вакууме. Я осталась стоять одна посреди коридора, чувствуя себя виноватой во всех грехах, хотя не сделала ни единого шага навстречу Андрею.

— Ветка, послушай… — снова заговорил он.

— Уйди, — перебила я его, чувствуя, как к горлу подкатывает горький комок слёз. — Просто исчезни из моей жизни. Из-за тебя всё рушится.

Я развернулась и побежала к выходу из школы. Выскочив на крыльцо, залитое слепящим светом, я с размаху врезалась в чью-то широкую, крепкую грудь.

— Ветка? Ты чего? Что случилось? — мягкие, сильные руки тут же подхватили меня за плечи.

Это был Дима. Он приехал специально, чтобы встретить меня после контрольной, окружить своей привычной заботой, от которой я весь этот месяц лишь отмахивалась.

— Димка… увези меня отсюда, пожалуйста. Прямо сейчас, — разрыдалась я, утыкаясь носом в его чистую рубашку.

Дима ничего не спросил. Он лишь поднял голову, взглянул на двери школы, откуда как раз выходил хмурый Андрей, и его лицо мгновенно изменилось. Обычно мягкий и покладистый, Димка вдруг страшно потемнел. Челюсти его сомкнулись с такой силой, что под кожей заходили тяжёлые

желваки. В его открытом взгляде загорелась такая опасная, тёмная гневная сила, что мне стало не по себе. Он молча прижал меня к себе сильнее, буквально заслоняя своим телом от липкого взгляда Андрея, и увёл к машине.

Пока мы ехали по пыльным, разбитым улочкам, я постепенно успокоилась, разглядывая свои руки безвольно лежащие на коленях. В салоне стояла тяжёлая тишина. На перекрёстке у магазина «Рассвет» Дима вдруг резко притормозил.

У обочины, удерживая одной рукой мощный мотоцикл, стоял Юра. Его эффектное лицо и ленивая, уверенная улыбка по-прежнему притягивали взгляды. Но на заднем сиденье, намертво обняв его за талию, сидела та самая городская студентка в летящем сарафане. Она громко, заливисто смеялась, а Юра что-то интимно шептал ей на ухо. Они выглядели такими счастливыми, такими далёкими от всей нашей грязной школьной драмы. В посёлке вовсю болтали, что их тайные ночёвки на сеновале вот-вот закончатся пышной свадьбой.

Сердце пропустило удар и с размаху разбилось на мелкие осколки. Моя безумная, тайная первая любовь оборачивалась глухим пепелищем. Юра даже не повернул головы в сторону нашей машины, крутанул ручку газа, и мотоцикл с оглушительным рёвом умчался вперёд, подняв густое облако серой пыли.

— Ветка, не смотри туда. Пожалуйста, не надо, — тихо,

с глубокой застарелой болью сказал Дима. Он перехватил мою дрожащую ладонь своей большой, тёплой рукой и крепко сжал её. — Потерпи ещё немного. Экзамены закончатся, и ты уедешь в город. Навсегда. Я помогу тебе устроиться, буду рядом. А этот омут… пусть он остаётся здесь.

Я лишь молча кивнула, глотая новые, горькие слёзы, которые теперь крупными каплями падали на мою футболку. Весь этот душный, безумный июнь сжимался вокруг меня, как удавка. Подруги, сплотившиеся в своём молчаливом протесте, преследование Андрея, окончательная потеря Юры и молчаливый, закипающий гнев Димы — всё это переполнило чашу до краёв, обещая скорый и страшный взрыв.

Глава 3

Точка невозврата

Официальный выпускной с его вымученными улыбками учителей, речами со сцены приличного, пахнущего лаком ДК и картонными папками аттестатов остался в прошлых выходных. Школа была официально закончена. Всё осталось позади. Наступила та самая странная, подвешенная суббота, когда мы уже не были учениками, но ещё не стали студентами. Впереди маячила пугающая, туманная неизвестность, от которой внутри всё сжималось в тугой, болезненный ком. В тот вечер я ещё не знала, что этот посёлок отсчитывает последние часы моего присутствия, а уходить спокойно и красиво мне не придётся.

К полуночи вся наша компания переместилась к реке, на старую поляну под раскидистыми ивами. Воздух над водой висел сизый, густой и до невыносимости душный — природа замерла, наэлектризованная перед ночной грозой. Пахло речной тиной, сырой ивовой корой и горьким, едким дымом от огромного костра, от которого першило в горле. Громкий, пьяный смех бывших одноклассников, звон бутылок и тяжёлые басы из распахнутых дверей машин сливались в сплошной, давящий на уши гул.

Я сидела на поваленном, наполовину сгнившем бревне у самой границы света и тени. Чувство абсолютной изоляции накрывало с головой, от него перехватывало дыхание. На другом конце поляны, прямо у огня, Анька и Сашка демонстративно громко хохотали, окружённые парнями. Стоило мне случайно поднять голову, как их взгляды скрестились на мне — ледяные, колючие, полные сплочённого презрения. Анька что-то тихо процедила сквозь зубы, крепче сжав Сашкину руку, и они обе подчёркнуто отвернулись. Каждое их движение транслировало одну-единственную мысль: «Ты для нас пустое место». Эта демонстративное презрение бывших подруг било сильнее любых оскорблений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.